

нечно, «многострадальное лицо», «скорбные уста», «огромные...прекрасные и скорбные глаза», в которых «столько боли и печали» (Т. 2, с. 157-158), мало соответствуют весеннему настроению второго образа любимой:

Ты – песня жаворонка в апреле...
И я весною дышал, пока
Твои глаза на меня смотрели
Сквозь хлопья снега – два василька.
(Т. 1, с. 281)

Больше здесь соответствия первому образу времен расставания лирического героя с любимой:

Не рыдала. Не причитала.
Лишь упрямей сжимала рот...
Вот какой ты красивой стала –
Даже горе тебе идет. (Т. 1, с. 104)

Но, зная обстоятельства личной жизни Н. Старшинова, можно с большой степенью вероятности предположить, что прототипом героини пятой главы поэмы явилась, наряду с Ю. Друниной, вторая жена поэта – Эмма Антоновна Старшинова, связавшая с

ним свою жизнь в очень нелегкие для него годы. То есть, в поэме сливаются воедино даже не два образа любимой, а две конкретных женских судьбы: прославленной поэта и провинциальной девушки, уехавшей за заезжим гостем из родной литовской деревушки в Москву. Судеб столь разных, и тем не менее объединенных в видениях лирического героя поэмы в одну «многострадальную» женскую судьбу. Косвенным подтверждением данного предположения служит третья глава поэмы, посвященная свиданию с дочерью. Судя по кукле в руках, прототипом дочери лирического героя явилась младшая из двух дочерей поэта (от второго брака), хотя, конечно, обе они были им равно любимы.

Литература

1. Юрий Иванов. Мне другая судьба не нужна...// Наш современник. – 1979. – № 2. – 156 с.
2. Друнина Ю.В. На печаль я наложила вето: Сборник стихов. – М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1988. – С. 92.
3. Аннинский Л. Глубина фронта. С. 229.
4. Друнина Ю.В. Указ соч. С. 72.
5. Пастернак Борис. Сестра моя – жизнь: Стихотворения и поэмы. – Алма-Ата: Жалын, 1986. – 400 с.

АРХОНТЫ В МОСКВЕ

*Познайте то, что перед вами, ибо
тогда скрытое тоже откроется вам.
Кефалайя («Главы»)*

А.Б. ЛЕВИН, профессор кафедры теплотехники МГУЛа, к. т. н.

Архонт – греческое слово, означающее «князь, правитель». Так в манихействе названы вожди демонов, порождений Мрака. Манихейство, как философская система и религия, возникло в III веке н.э. и названо по имени, принятому её основателем, как считается, в начале служения; имя данное при рождении сыну Фатака (Патака или Патики)¹ точно неизвестно.

Родившийся 14 апреля 216 года в Месопотамии, выступивший с проповедью в 240 году и жестоко казнённый не позднее 277 года² вероучитель в истории известен как Мани. Этимология этого имени не ясна и может восходить к арамейскому «сосуд», как любезно сообщила автору Е.Б. Смагина, или к греческому «дух, ум»³. Имеются и иные, менее вероятные предположения на

этот счёт⁴. Новая религия, манихейство, широко распространилась на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, просуществовала иногда явно, иногда тайно до IX века и ещё в конце XIX века характеризовалась как учение «скрытно существующее, в различных видоизменениях, и донныне»⁵.

И как бы это ни показалось странным, такое скрытное существование манихейства несомненно в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что отмечалось уже вскользь исследователями романа.⁶

Чтобы обсудить это подробнее, придётся очень кратко изложить основы манихейской доктрины.

Мани учил, что окружающая нас действительность представляет собой результат смешения, возникшего в акте противоборства двух начал, существовавших предвечно и независимо друг от друга – Света и его абсолютной противоположности. Оговоримся, что различные авторы переводят многие манихейские термины на русский язык различно. Абсолютная противоположность идеальному Свету может называться Мрак⁷ или Тьма^{2,8}.

Свет олицетворён верховным божеством, называемым Отец величия (Царь светлости, Царь Света). Мрак персонифицируется Материей, иногда именуемой как Грех, Помысел смерти, Дьявол или Сатана.

Свет и Мрак существовали раздельно, и между ними была непроницаемая преграда. Затем (здесь, как и во многих других случаях проявилось, отмеченное В.С. Соловьёвым¹ «ребячество» манихейства) Материя, посмотрев на Свет и позавидовав его совершенству, решила поглотить его.

Последовали битвы, для ведения которых Отец величия «вызвал из себя», «призвал» несколько светлых божеств, одно из которых – Первочеловек отделил от себя пять светлых стихий: Воздух (Благоприятный воздух, Нечто подобное эфиру), Огонь (Согревающий огонь), Вода, Ветер (Освежающий ветер, Прохлада), Свет (Яркость). Материя, в свою очередь, несколькими последовательными актами произвела пять тёмных стихий симметрично отрица-

тельных относительно светлых: Дым (Яд, Зараза), Огонь (Пожар, Пожирающее пламя), Вода (Туман), Ветер (Бурный вихрь), Тьма (Мрак).

Названия тёмных и светлых стихий приведены в переводах Е.Б. Смагиной², в скобках даны варианты переводов В.С. Соловьёва¹, А.В. Ефремова⁸ и В.Н. Торопова⁹.

Очень хорошо помня поговорки о калашном ряде и сверчке с его шестком, рискну всё же предложить для первой из стихий Мрака старинный русский термин – Моровое поветрие, что по Далю означает «наносные, повальные болезни, ... состояние воздуха, приносящего их»¹⁰. На латыни это понятие – *malus aer*, по-итальянски – *mal aria*.

Последовательные превращения стихий Мрака привели к возникновению в мире каждой из них архонтов (повелителей, царей) и подчинённых им демонов. В войне светлых божеств с силами Мрака последние были побеждены, но при этом на границе Света и Мрака образовалась область смешения, в которой светлые и тёмные стихии оказались связанными друг с другом. Силы света должны были преобразовать область смешения так, чтобы было возможно отделить частицы Света от Мрака. Был сотворён видимый мир – Земля, над ней установлены десять твердей и Колесо звёзд. Началось то время, которое, очевидно, длится по сей день. Последним усилием Материя (но не бог Света!) создала Адама и Еву, давших начало роду человеческому. Как порождения области смешения люди принадлежат обоим мирам, и их души обладают частицами Света. Устройство видимого мира имеет единственной целью разделение Света и Мрака. Главную роль в этом процессе играют Корабли света – Солнце и Луна – места обитания младших божеств Света. Ниже об этом ещё будет сказано подробнее.

В конце времени, когда светлые божества соберут весь оставшийся в материальном мире Свет, благодетельный Огонь сожжет за 14068 лет непрерывного горения всё, порождённое Материей и произойдёт окончательное разделение миров Света и Мрака.

Вернёмся теперь к роману, к эпизоду появления Левия Матвея в ротонде на крыше дома Пашкова и его разговора с Воландом¹¹. Именно эта сцена и вызывает упоминания комментаторов о манихейских мотивах в романе. Заметим, что этот отрывок в высшей степени синкретичен, как впрочем, и весь роман, о чём автор надеется написать когда-нибудь подробно.

От собственно манихейства заимствована терминология (мир блага назван светом, зло названо миром теней) и радикальный дуализм – абсолютное разделение мира добра и зла и всеилие в пределах материального мира «духа зла и повелителя теней». От христианства – персонификация мира Света в Иисусе – Иешуа. Писатель старательно избегает назвать это имя в авторской речи, Воланд и Левий так же употребляют только местоимения. Выдержать этот приём Булгакову всё-таки не удалось, и через полтора десятка страниц имя Иешуа названо¹².

От диалектиков – иронические рассуждения Воланда о невозможности существования добра без зла, как света без тени. Наконец, от самого Булгакова – совершенно невозможная для любой религиозной системы ситуация обращения олицетворения Света с просьбой к олицетворению Мрака. Бог не может просить о чём-либо своего извечного противника (буквальное значение слова

Сатана – противник, враг). Отметим и столь же невозможное почти дословное цитирование Сатаной Евангелия от Матфея: «каждому будет дано по его вере». От Булгакова и несовместимая с любой религиозной доктриной идея награды в вечной жизни за страдания при жизни земной, получаемой из рук Сатаны. И от Булгакова снижающее пафос сцены сообщение о том, что Иешуа «прочитал сочинение мастера». Сообщение это повторяется дважды. Сначала Левий говорит об этом Воланду, а затем Воланд передаёт это мастеру. Само слово «читать» применительно к Всеведущему и Вездесущему, по-видимому, неуместное в любом ином контексте, здесь в сплаве разнородных и противоречивых идей, понятий и обстоятельств, кажется вполне органичным.

Итак, только тень учителя Мани мелькнула перед читателем. Но приглядимся к тексту романа повнимательнее, может быть, найдутся и другие более или менее отчётливые его следы.

В манихействе силы зла представлены архонтами пяти миров Мрака и подвластными им демонами. Их предводитель по одному из вариантов толкований – Царь мира Дыма¹³, по другим – родившийся из соединения всех пяти миров Сатана^{14,15}. Вот его подробное описание:

«Что касается архонта, вождя всех сил Мрака, то пять подобий есть в его теле, по подобию клейма пяти творений, сущих в пяти мирах Мрака: его голова – облика львиного, что возник из мира Огня. Его крылья и плечи – облика орлиного, по подобию сынов Ветра; его руки и ноги – демонские по подобию сынов Дыма; его туловище – образа драконьего, по подобию мира Мрака. Его хвост – образа рыбьего, принадлежащего к миру сынов Воды. Вот какие пять форм есть в нём, вышедшие из пяти творений пяти миров Мрака. Когда захочет, он ходит на двух ногах, по подобию сынов мира Дыма; и всякий раз, когда захочет, бегаёт на четвереньках – на руках и ногах, подобно сынам Огня: когда захочет, поднимается на крыльях, как сыны ветра; и когда захочет, прыгает вниз, в воды,

как сыны воды; и когда захочет, ползает на животе, как сыны Мрака. Вот какие пять форм есть в нём. **Есть в нём и другие три свойства: первое – он понимает язык своих сил, хотя его сердце скрыто от них.** Второе: он владеет заклинаниями и знаками своей волшбы; когда захочет, он заклиняет сам себя и скрывается от своих сил, и когда захочет, показывается им: он наносит рану и убивает своим колдовством; порой он возглашает речь и этим творит колдовство. Третье: его тело так крепко, что никакие рога, зубы и когти его сил не могут проткнуть его, никакое тело железное или медное не может ничего сделать с ним, и невозможно его разрушить, ибо он сделан и сотворён из жестокосердного суждения Материи, матери демонов и дьяволов. Есть в нём ещё три свойства: когда он хочет, его огонь пылает, и всё тело делается как железо на огне. И когда захочет, он выпускает холод, и всё тело холодеет, как облако снежное. Третье: пока его силы стоят перед ним, он смотрит на них и знает, что у них на сердце; он знает, что у них на сердце и на лице, доколе они стоят перед ним; но когда они удаляются от лица его и отдаляются от него, он не знает, что у них на сердце.»¹⁶

Всякий прочитавший роман не может не узнать в этом описании Воланда, «убивающего колдовством», с его заклинаниями и знаками, с его возникновениями и исчезновениями и с его знанием, «что у них на сердце».

Сатану сопровождают архонты пяти миров Мрака, и у Воланда пять спутников: Азazelло, Фагот, Бегемот, Абадонна, Гелла.

Азazelло – демон мира Дыма (Яда, Заразы, Морового поветрия):
«Тело всех сил, принадлежащих миру Дыма, – это золото. А вкус плодов – соль.

Дух Царя тёмных – тот, кто царствует ныне во властях и началах страны и всего мира; я разумею тех, кто царствует над всем творением и угнетает людей тиранией по воле своей.»¹⁷

Азazelло в полном соответствии с описанием демонов мира Дыма – «огненно-рыжий». Стоит ли напоминать, что «рыжий» в русском воровском аргоне означало и означает – *золотой*. Слова *рыжьё*, *рыжуха* в значении *золото* встречаем, например, у И. Бродского («К преговорам в Кабуле», «Песенка») и у Т. Толстой («Кысь»). Именно демону Дыма (Яда) поручено отравить Мастера и его подругу, он же «нашептал совет» не названным по именам, но лег-

ко угадываемым Ягоде и Буланову, «обрызгать стены кабинета ядом», чтобы отравить Ежова, тоже, разумеется, не названного.¹⁸

Имя Азazelло восходит, и это многократно отмечалось в комментариях к роману, к духу зла, именуемому в Библии Азazel, что в буквальном переводе означает козлотпущение. По закону Моисея в день грехотпущения избирались два козла, один для жертвоприношения Богу, а другой для «отпущения» в пустыню после предварительного

го возложения на него рук, что означало переложение на него грехов всего народа. Азazel известен у многих народов Ближнего Востока и у последователей некоторых древних христианских сект. У арабов до и после принятия ислама это имя было одним из имён Сатаны¹⁹. В иудейских апокрифах Азazel – негативный культурный герой, научивший, между прочим, женщин блудному искусству раскрашивания лица²⁰. И никто иной, как Азazelло даёт Маргарите золотую коробочку с дьявольским кремом, сделавшим её, а заодно и Наташу, неотразимо прекрасными ведьмами.

Фагот – демон мира Ветра (Вихря). Уже его имя на время пребывания в Москве – название *духового* инструмента – можно толковать как аллюзию. Но особенно ярко его принадлежность к миру разрушающего Ветра проявляется в сцене прощания с Мо-

сковой на Воробьёвых горах. Перед тем как свистнуть «по старой памяти» и пообещав «только пошутить, исключительно пошутить», Коровьев-Фагот «...завился, как винт, <можно подумать, чтобы вобрать в себя энергию смерча или тайфуна, А.Л.> и затем, внезапно раскрутившись, свистнул.

Этого свиста Маргарита не услышала, но она его увидела в то время, когда её вместе с горячим конём бросило саженой на десять в сторону. Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой реки. Огромный пласт берега, вместе с пристанью и рестораном, высадило в реку. Вода в ней вскипела, взметнулась, и на противоположный берег зелёный и низменный, выплеснуло целый речной трамвай с совершенно невредимыми пассажирами. К ногам хряпящего коня Маргариты швырнуло убитую свистом Фагота галку.»²¹

Только демон мира Вихря мог бы произвести подобное действие:

«А царь миров Ветра имеет облик орла. Его тело – железо, и тело всех, кто принадлежит Ветру, – железо. Их вкус острый в любом виде. Его дух – это дух идолопоклонничества, духов заблуждения, пребывающих в каждом храме, в капищах идолов, молельнях, изваяниях и образах, обитателей заблуждения мирского.»²²

Фагот в романе не появляется с крыльями, если не считать именно его воплощением воробья, танцевавшего фокстрот на письменном столе и нагадившего в чернильницу профессора Кузьмина. Но «усишки у него, как куриные перья», в другом месте – «усы-пёрышки», он раскрывает рот, как *тенец*, при первом появлении он не касается земли, *дунов* в воздух он прекращает денежный дождь, *дуновения* же достаточно для

уничтожения записи в домово́й книге и для заживления пальца Геллы, простреленного Бегемотом. Чтобы подписать у Воланда договор «он *слетал* с ним в спальню и вернулся», и назван он редким словом *надувало*.²³

Архонт мира Огня (Пламени, Пожара) – Бегемот, главный виновник пожаров в Москве, как и подобает сынам Огня четвероногий²⁴ и из рода кошачьих:

«А царь миров Огня имеет облик льва, первого из всех зверей. Медь – тело его, и также тело всех архонтов, принадлежащих Огню, – медь. Их вкус – это вкус кислый во всяком виде. А дух царя тех, кто принадлежит миру Огня, – тот, Что царствует среди знати и вождей, которые в подчинении у властей, начал и царей мира. Дух его также пребывает в лжеучениях, которые служат огню и приносят жертву огню.»²⁵

Бегемот более всех спутников Воланда служит огню и с лёгкостью жертвует огню «нехорошую квартиру», магазин Торгсина на Смоленской, писательский ресторан и весь особняк Массолита.

Имя его, восходящее к каноническим и апокрифическим книгам Ветхого Завета, означает по представлениям древних иудеев самого большого и сильного из четвероногих животных. А по убеждению манихеев все четвероногие произошли от демонов мира Огня.²⁶

«Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол.

Вот его сила в чреслах его и крепость в мускулах чрева его.

Поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бёдрах его переплетены.

Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья.

Это – верх путей Божиих; только сотворивший его может приблизить к нему меч свой.»²⁷

«А царь мира Мрака – дракон. Его тело – свинец и олово; также у всех архонтов, принадлежащих миру Мрака, тело – свинец и олово. А вкус его плодов – горечь. А царящий в них дух – это дух, доньне гласящий в оракулах и дающий предсказания через прорицателей всякого рода, через одержимых и других духов, дающих всякого рода предсказания.»³¹

Имя Абадонна восходит к библейскому Аваддон – уничтожение, прекращение бытия. В Ветхом Завете – это имя синоним смерти и преисподней, как бездны: «Преисподняя и Аваддон открыты перед Господом, тем более сердца сынов человеческих.»³² В откровении Иоанна Богослова говорится об ангеле бездны «...имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион (губитель).»³³ Полчища подчинённых Аваддону существ – гигантская саранча удивительно похожая на драконов:

«По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на

Облик Бегемота соединяет в себе черты архонта мира Огня и традиционного для многих народов олицетворения Дьявола в виде чёрного кота.²⁸ В частности, обвинявшимся в формальном культе дьявола альбигойцам, влияние на которых манихейства несомненно, приписывались собрания, на которых Сатана присутствовал в виде кота.²⁹

Атрибуты Бегемота – примус с медным либо из медного сплава резервуаром или маринованный, то есть приготовленный в уксусе, заведомо кислый гриб – очевидные атрибуты архонта мира Огня. Преобразившись в последнем полёте, Бегемот оказывается пажом – тем, кто обязательно знатен, но находится в подчинении у начал и царей мира.

Абадонна – демон мира Тьмы, отсутствия всякого света, олицетворение поглощающей, скрывающей и бесследно уничтожающей ямы могилы и пропасти преисподней.³⁰

золотые, лица же её – как лица человеческие.

И волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были как у львов;

На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев её – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну;

У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах её были жала...»³⁴

Чёрные очки скрывают глаза Абадонны, в которых зияет абсолютный Мрак, символ разверстой бездны, взглянув в них, человек гибнет.

Наконец, Гелла – демон мира Воды (Тумана):

«А царь мира Воды имеет облик рыбы. Его тело – серебро; и у всех архонтов, принадлежащих Воде, тело – серебро. А вкус его плодов – сладость водяная, вкус сладкий во всяком вкусе. А дух царя архонтов Воды – тот, что царствует
Ныне в лжеучениях заблуждения, которые
 Крестятся омовением водным, чья надежда
 И упование – в крещении водном.»³⁵

Из всех спутников Воланда Гелла выписана наименее подробно и на её принадлежность к миру Воды намекает разве что *гнилая малярийная сырость*, которой тянет по полу, да *ледяная волна*, которой окатило Римского при приближении женщины – демона. В манихействе силы зла двуполы, и само разделение полов – проявление зла:

«...Материя, живописец и зодчий всех миров плоти, та, которая живописала плоть и всё архонство, какое есть в мире Мрака, сотворила их в пяти чувствилищах – пяти мужских и пяти женских, по два на каждый мир, а также огонь и наслаждение, обитающие в мужчинах и женщинах и влекущие их друг к другу.»³⁶

И *натурально*, как сказал бы один из наших героев, характерные черты повелителя архонтов Воланда, дробятся, дwoятся, соединяя в его облике признаки принадлежности к каждому из подвластных ему миров. Например, коронки на зубах с правой стороны у него *золотые*, как должно было бы быть у архонта мира Дыма, а с левой – платиновые, т.е. из драгоценного металла неизвестного во времена Мани, но на вид неотличимые от *серебряных*, как должно было бы быть у архонта мира Воды. Ведь и само слово платина произошло от испанского *plata* – *серебро*. Правый глаз у Воланда *пуст, черен и мертв*, как закрытые черными очками глаза Абадонны, левый же *зелен*, как у Геллы.³⁷

В главе «Прощение и последний приют» Гелла и Абадонна отсутствуют, но число спутников у Воланда по-прежнему пять: закованный в латы Азазелло, тёмно-фиолетовый рыцарь – Фагот, задумчивый юный паж – Бегемот, Мастер и Маргарита. Это специфическая особенность манихейства, в котором стихии Света и Мрака образуют симметричные пентады, в отличие от большинства религиозных и философских систем или фольклорных традиций, в кото-

рых традиционно используются числа три, семь, двенадцать.

Отзвуки манихейских представлений рассыпаны по тексту романа. Слова Азазелло:

«Тогда огонь! – вскричал Азазелло. – Огонь, с которого всё началось и которым мы всё заканчиваем»³⁸ выглядят несколько пародийным изложением манихейской эсхатологии. В конце времён на материальный мир снизойдёт великий благодетельный огонь, который будет гореть упомянутые уже 14068 лет. Всё материальное сгорит в нём, после чего идеальные Свет и Мрак окончательно разделятся уже навсегда. Впрочем, эта фраза может быть и насмешкой над иудейским апокрифическим предсказанием о том, что Азазел, и так уже будто бы закованный в цепи архангелом Рафаилом, будет ввергнут в огонь после Страшного суда.³⁹ Возможно также, что эта фраза отголосок одного из ранних вариантов романа, в котором вся Моксва гибла в огне, как Содом и Гоморра. Окончание главы «На Воробьёвых горах» должно читаться как «...нет давно уже и самого города. Он как сквозь землю провалился, – остались лишь *туман и дым*.»⁴⁰ Последние два слова выделены нами, потому что это имена стихий Мрака.

И наиболее яркое проявление манихейских представлений в романе – важная роль солярных и лунарных мотивов, неоднократно отмеченных комментаторами. Комментарии эти иногда довольно причудливы. Так, в солидном труде одновременно утверждается, что Солнце и жара свидетельство приближения дьявола и что дьявол и его присные исчезают с восходом Солнца, возвещаемым петушиным пением.⁴¹

По учению Мани частицы Света душ праведных людей сначала поднимаются к Луне, где окончательно очищаются, а затем восходят к Солнцу, которое открывает им путь к полному воссоединению с миром Света. Души неправедных претерпевают многократные перерождения, постепенно очищаются в мытарствах, состоящих главным образом в отвратительных видениях, и возносятся или окончательно погрязают в грехе и опускаются в геенну, где остаются навеки. Оба светила – обители светлых божеств и предназначены для разделения Света и Мрака. Они – ступени, по которым Свет возносится из мира, единственные врата, через которые души праведников могут попасть в мир Света.⁴² Луна прибывает, когда Свет из мира смешения по частичкам накапливается и начинает убывать по мере передачи этого света Солнцу, которое и переправляет Душу живую в мир Света.⁴³ Эти представления, странным образом, отразились в эпизоде решения участи Понтия Пилата. В полнолуние прощённый Пилат после почти двух тысяч лет терзавших его видений устремляется навстречу Луне по лунной дорожке.

Признание за Солнцем и Луной роли мистических проводников праведных душ в мир Света было поводом для обвинения в манихействе Г.С. Сковороды. Интересно, что в трудах и даже в самой биографии Г.С. Сковороды тонкий исследователь находит источник вдохновения автора Мастера и Маргариты.⁴⁴

Но тем, чьими именами назван роман, не уготована участь растворения в благом Свете. Соединяющее их чувство, согласно учению Мани – порождение Зла. Довольно примитивная этика манихеев сводится к

требованию «наложения печати на уста, руки и лоно», то есть к отказу от употребления мяса, вина и воспрещению хулений, особенно самого Мани, запрещению лишать жизни даже животных и растения и, наконец, требование сохранения девственности.⁴⁵ Плотская любовь создана силами Мрака для деторождения, которое осуждалось, так как с увеличением численности человечества вело к раздроблению Света в области смешения на всё более мелкие частицы. Поэтому Мастер и Маргарита, для которых любовь и самая жизнь неразделимы и которые ради воссоединения в этой любви вступили в сделку с дьяволом, не заслуживают Света. И вот тот, кто сказал, «что в числе человеческих пороков одним из главных он считает трусость»⁴⁶, одновременно призывает в царство Света заведомого грешника, из трусости осудившего на смерть невинного и лично ему симпатичного узника, и признаёт недостойными Света Мастера и его возлюбленную не виновных ни в чём, кроме всепоглощающей любви.

Никакие из известных нам толкований загадочной развязки романа, включая такие экзотические, как установление связи между загробной участью и положением героя в масонской иерархии⁴⁷, не кажутся более убедительными, чем приведенное выше. Более того, противопоставление Света и Покоя нарушает традицию. Так, в цитируемом И.Л. Галинской по обсуждаемому поводу четверостишия Г.С. Сковороды покой царствует в той стране, «где неприступный свет».⁴⁸ И церковь просит об умершем: «В покоищи Твоем, Господи, идеже вси святии Твои упоковаются, упокой и душу раба Твоего, яко един еси Человеколюбче».

Взыскательный вкус продиктовал Булгакову неожиданную читателем развязку, исполненную, по слову Пушкина, «светлой печали». Он наградил своего героя тем, чего «сердце просит» как единственно возможной награды для мятущейся души гения – покоем. При жизни ни автор, ни его герой не могли надеяться обрести покой, за её пределами герой получил свою награду, об авторе же ведает только Бог.

Итак, «то, что перед нами» познано или, по крайней мере, проявлено и объяснено. Но вопреки утверждению Мани «скрытое» осталось тайной. Как попали в роман эти совпадающие подробности? Речь именно о подробностях. «При соответствующих условиях до дуалистических воззрений (представлений, что добро и зло – категории изначально чуждые, что материальный мир есть зло и т.д.) человек может «додуматься» в самые разные эпохи и в самых несхожих культурах.»⁴⁹ Но откуда, по слову всё того же Александра Сергеевича, эти «странные сближения»?

Ко времени написания «Мастера и Маргариты» манихейские тексты не были опубликованы в России. И сегодня «Кефалайя» – единственное издание подлинного манихейского текста на русском.

Мог ли юный Михаил Булгаков узнать какие-нибудь подробности от отца Афанасия Ивановича, профессора кафедры западных вероисповеданий, читал ли он Блаженного Августина или какие-то иноязычные труды? Нет нужды поддаваться соблазну «не сходя с места изобрести объяснение явлению необъяснимому»⁵⁰. Прибавим эту загадку к длинному списку иных, какими окружены таинственно привлекательные и привлекательно таинственные Воланд с его пятью архонтами, Мастер, Маргарита и жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат.

Литература

1. Энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890 – 1907 (далее ЭС). Т. XVIII^a, с. 541.
2. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной. – М.: Восточная литература РАН, 1998, (далее Кефалайя, в ссылках на манихейский текст точкой разделены номер стр. оригинала древней рукописи и номер строки, в ссылках на текст Е.Б. Смагиной приводится номер стр.), 18 – 30.
3. ЭС. Т. XVIII^a, с.541.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1982 (далее Мифы 1982). Т.2, с.103.
5. ЭС. Т. XVIII^a, с.541.
6. Галинская И.Л. Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986, (далее Галинская 1986), с.95,96.
7. Кефалайя, с. 38.
8. Ефремов А.В. Манихейство// Журнал историко-богословского общества.–1991.–№2 (далее Ефремов 1991). С. 60.
9. Мифы 1982. Т. 2, с. 104.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., СПб.: М.О. Вольфа, 1880. Т. III, с.151.
11. Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 – тт. Т.5. Мастер и Маргарита. Письма/ Подгот. текстов Л. Яновской, В. Гудковой, Е. Земской. Коммент. Г. Лескиса, Е. Земской. – М.: Худож. лит., 1990 (далее Б90). С. 350.
12. Б 90.С.371.
13. Кефалайя, с.39.
14. ЭС. Т. XVIII^a, с.542.
15. Ефремов 1991, с.60.
16. Кефалайя, 77. 26 – 35, 78. 1 – 31.
17. Кефалайя, 33. 2 – 8.
18. Б90. С.83, 262, 659.
19. ЭС. Т. I, с.201.
20. Мифы 1982. Т. I, с. 50.
21. Б90. С.366.
22. Кефалайя, 33. 18 – 24.
23. Б90. С. 47, 82, 98, 120, 122, 272, 281.
24. Кефалайя. С.374.
25. Кефалайя, 33.9 – 15.
26. Кефалайя. С.396.
27. Иов., 40. 10 – 14.
28. ЭС. Т. XXXIX, с. 83.
29. Там же, с. 84.
30. Мифы 1982. Т. I, с. 23.
31. Кефалайя, 33.33 – 35, 34. 1 – 5.
32. Притч. 15. 11.
33. Откр., 9. 7 – 10
34. Там же, 9. 11
35. Кефалайя, 33.25 – 32.
36. Кефалайя, 26. 11 – 17.
37. Б90. С. 10, 44, 248.
38. Б90. С.360.
39. Мифы 1982. Т. I, с. 51.
40. Лескис Г.А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита»: Комментарии. – М.: ОГИ, 1999-С. 384.
41. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид; Миф, 1996 (далее Сколов 1996). С. 171, 316.
42. Кефалайя, С.450.
43. Там же.
44. Галинская 1986, с.75 и сл.
45. Ефремов. С. 65.
46. Б90. С. 296.
47. Соколов 1996. С.286.
48. Галинская 1986. С 84.
49. Кефалайя. С. 45.
50. Б90. С. 106.